

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.45>

Ноева Саргылана Еремеевна

ОБРАЗ ТЕЛА: ЖЕНЩИНА-ГОРОД В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЯКУТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье впервые предпринята попытка рассмотрения функционирования образа тела в аспекте якутского "городского текста", который аккумулирует в себе трансформации национальной картины мира, характерных черт ментального опыта. Основными объектами исследования являются специфика "телесного", а также выделяющаяся из данной темы ратификация образа женщины как персонификации города в произведениях писателей начала XX века. Особое внимание уделяется рассмотрению амбивалентности пространства города, в которой раскрываются "перевернутые" роли персонажа, дуальная сущность человека, выявляющиеся преимущественно в рамках городской обстановки.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/1/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 221-224. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. Орлова Р. К. ...Инкот эрян: сонетонь каштаз, стихт (...Тобой живу: венк сонетов, стихи). Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2007. 100 с.
8. Орлова Р. К. Пизелонь каштаз: стихт (Рябиновый венк: стихи). Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2005. 104 с.
9. Орлова Р. К. Письма странницы: стихотворения, песни. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2014. 104 с.
10. Степин С. Н. Основные тенденции развития лирики в современной поэзии Мордовии (жанровый аспект): монография. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т., 2013. 172 с.

ARTISTIC FEATURES OF R. K. ORLOVA'S LOVE LYRICS

Naldeeva Ol'ga Ivanovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Asyrkina Elena Ivanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

D'yachkova Elena Nikolaevna

*Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev, Saransk
naldeeva_oi@mail.ru; elenaazyrkina@yandex.ru; dyachkova_92@inbox.ru*

The article analyses R. K. Orlova's love lyrics with emphasis on identifying the specificity of a lyrical heroine's image acting as an expression of the author's consciousness in the poet's lyrics and conditioning the subjective-confessional nature of the works. For the first time, the paper investigates the evolution of the character of a lyrical heroine's image from the romantic one in early works to wise with experience in later poems. It is proved that boundless and endless female love is the driving principle of Orlova's lyricism, the main dominant of her lyrical heroine. The article analyses certain aspects of R. K. Orlova's poetics.

Key words and phrases: R. K. Orlova; love lyrics; lyrical heroine; author's consciousness; inner world; romanticism; poetics.

УДК 821.512.157

Дата поступления рукописи: 21.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.45>

В статье впервые предпринята попытка рассмотрения функционирования образа тела в аспекте якутского «городского текста», который аккумулирует в себе трансформации национальной картины мира, характерных черт ментального опыта. Основными объектами исследования являются специфика «телесного», а также выделяющаяся из данной темы ратификация образа женщины как персонализации города в произведениях писателей начала XX века. Особое внимание уделяется рассмотрению амбивалентности пространства города, в которой раскрываются «перевернутые» роли персонажа, дуальная сущность человека, выявляющиеся преимущественно в рамках городской обстановки.

Ключевые слова и фразы: городской текст; геопэтика; антропоморфность; городской ландшафт; концепт тела; образ женщины; эволюция героя.

Ноева Саргылана Еремеевна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск

Nosaer37@yandex.ru

ОБРАЗ ТЕЛА: ЖЕНЩИНА-ГОРОД В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЯКУТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НАЧАЛА XX ВЕКА

В исследовании «городских» текстов стоит обратиться к основным характеристикам, меткам-образам, составляющим неповторимый облик города, которые обуславливают его избранность и определяют претендующую роль на текстовость в ряду других городских ландшафтов.

Сибирь, расположенная «на краю» культурного пространства, характеризуется как страна мертвых: «Хронотопический образ Сибири в русской классической литературе представляет ее страной холода – зимы – ночи (луны), то есть смерти в мифологическом ее понимании» [9, с. 255].

Город у реки Лены Якутск, изображенный как самый «холодный город», «ледяной город», «мертвый город» и пр., с самого его основания связан с мифом о потопе (известно, что место основания города переносилось три раза, так как каждый раз город затопливо рекой), и потому отсылающий к борьбе со стихией (рекой, холодом, жарой) мотив конца (края, обреченности) становится главным лейтмотивом в создании культурного портрета Якутска. Постоянными элементами городского ландшафта, помимо этого, становятся туман и мгла (тьма), покрывающие Якутск почти полгода и наполняющиеся экзистенциональной дополнительной нагрузкой при оформлении образа человека в городе, всегда стремящегося в поисках себя выйти из объятий мглы.

Борьба со стихией рождает новые протосюжеты для оформления художественной среды этого города: это потеря, борьба, спасение, бунт, самопожертвование, любовь, смерть героя, становящегося частью городского пространства и стремящегося к освоению новой среды – тем самым создается тип нового героя литературы, городского жителя. Художественное решение его экзистенциональных проблем принципиально отличается тем, что рождение отношений города и человека сопровождается большим количеством новых тем –

это темы отчуждения героя; городской толпы и города; поиска места и смысла бытия; тема смерти и жизни в большом механическом мире.

Своеобразна роль Якутска как порога в определении границ ментального ландшафта. В нем довольно четко выявляются социальные позиции, играющие большую роль в идентификации человека – горожанина-сельчанина, коренного-приезжего, интеллигента-необразованного, саха и человека иной национальности и пр., на базе которых создаются интересные психологические портреты в литературе. Восприятие собственного тела также своеобразно трансформируется в зависимости от преодоления границ данного порога.

В исследовании текста Якутска должно учитываться положение, составляющее уникальный образ данного топоса, формирующееся из национальных представлений о картине мира, обусловленных генетическим экзистенциальным опытом народа. Тематика, связанная с человеческим телом как концептом культурной антропологии [2; 3; 5], выделяется достаточно специфично в произведениях якутских писателей в связи с репрезентацией образа земли как Матери, Женщины, Города и представляет один из неисследованных аспектов современного якутского литературоведения.

Образ земли как Матери, Начала начал является одним из важнейших прообразов в историко-культурном сознании многих народов мира. Распространенность образа земли в виде тела человека (человек-остров у нивхов Сахалина, живое существо Муцеляни – гигантский земляной человек у орочей и удэгейцев и др.) указывает на единое анимистическое воззрение северного человека, антропоморфность его картины мира.

Как и в северных кочевых культурах, в устном народном творчестве и обрядовых ритуалах народа саха телесное начало земли раскрывается в довольно широком аспекте. «Телесный код» якутской культуры наиболее полно отображается в формуле *буор саха* (досл. земляной якут), *буор ураанхай* (досл. земляной ураанхай), аккумулирующей идею о происхождении якута из тела матери-земли.

Глубинное архаичное восприятие земли как Матери (Прародительницы, Источника жизни и др.), непосредственно участвующей в зарождении и магической трансформации всех живых организмов, усматривается во многих текстах якутского эпоса-олонхо. В олонхо И. Г. Тимофеева-Теплоухова «Строптивный Кулун Куллустуур» крайне интересное воспроизведение пренатального плана можно отметить в сюжете, когда мать богатырей, удаганка Кюн Толомон Ньургустай, родив слабого недоношенного ребенка, помещает его в земляной холм-булгуннях (матку земли), чтобы ее сын Босхонголлой Мюлгюн через девять лет, вскормленный соками благодатного материнского лона, родился вновь здоровым и сильным [8, с. 184].

Наблюдаемый в тексте данного олонхо сюжет рождения богатыря отсылает к эмбрио-космогоническим отношениям между человеком (Сыном) и землей (Матерью), когда момент перерождения героя – богатыря Босхонголлой Мюлгюн – явно отождествляется с пренатальным состоянием человеческого зародыша в организме матери, в данном случае в теле земли. Подобное единение человека с землей активно усматривается также в фольклорно-мифологических источниках кочевых народов Севера (к примеру, выход-рождение из берлоги-земли тотема-предка эвенов Медведя-Тэрге).

В текстах якутского героического эпоса отмечаются доминирующее значение, многообразная поэтическая интерпретация архаического мифа о духе-хозяйке земли Аан Алахчын хотун, кормящей богатыря из своей груди молочной благодатью (*арагас илгэ*) [1, с. 415].

Заслуживают отдельного внимания и обрядовые действия, обращенные как к верхним божествам-айбы, так и божествам-иччи Срединного мира, праздник Ысыах, культ изобилия Юрюн Тунах (Юют Селегей, Юют Челлерен), которые занимают центральное место в этнической культуре якутов и имеют непосредственное отношение к физиологическому субстрату: архаической традиции почитания (айах тутуу) земли. Помимо всего этого деятельностно-практическая перспектива отношений человека с природой репрезентируется в ритуалах «ынахсыт тардыттын туома» (прошение приплода у богини скота Ала Мылахсын), «ого кутун кердесуу» (испрошение души-кут ребенка у дерева оруктаах), «дылын ылыттын туома» (вызывание половой страсти), где полно отражается истинная сущность женского образа – культ плодоносящей, «рожающей» земли.

В формировании взглядов на окружающий ландшафт большое значение имеет координированность от начального нулевого времени, в пределах которого сформировано аласное начальное сознание человека-якута. В аласе (алас-елань как гнездо, микро-мир) у человека возникает специфичное отношение к окружающему миру: он воспринимает свое Я как неотъемлемую часть окружающего ландшафта, а землю – в качестве органического продолжения своего тела.

При обозначении местности и водных просторов, наиболее почитаемых, якут использует слова Эбэ (Бабушка), Хотун (Госпожа), Кыыс (Девушка) – Туймаада Хотун Эбэ, Елюенэ Эбэ, Хотун Тюнгюлю, Кыыс Амма и др. Слова «Эбэ», «Хотун», «Кыыс» – женского рода и используются при обозначении лиц женского пола, что также может являться подтверждением вышесказанного нами о земле как о Матери, Начале Начал.

Принцип понимания сущности человека как субстрата природных явлений и мира как макромоделей человеческого существа прослеживается в антропоцентрических представлениях якутов: человек постигает окружающий его мир по подобию (проекции) собственного тела, своей плоти (к примеру: *юрэх баса* (досл. голова речки), *хайа кэтэҕэ* (досл. затылок горы), *кюел харага* (досл. глаза озера), *кюел атага* (досл. ноги озера), *алаас хонного* (подмышки елани), *мыраан издэсэ* (досл. щека горы) и т.д.). В этих сочетаниях, обозначающих национальные пространственные координаты мира, отражается своеобразная рецепция, отсылающая к архаическому типу сознания, когда человеческое соотносится с космическим – и тогда формируется абсолютный естественный вид тела родной земли.

Концепт телесного, глубоко связанный с женской темой, актуализируется в описании долины Туймаада, а точнее при художественной рецепции священных гор Ытык хайа и Табагинского мыса как женских грудей («*Процайте, груди моей родной земли, две священные горы Хангалас Хайа и Ытык Хайа!*») [6, с. 114]. Концепция антропоморфности также угадывается в выражении «*хоннохор-быттыккар хоргот, киэн киэлигэр кистээ*» (*хоннох-быттык* досл. «подмышки», *киэн киэли* в значении «матка»), когда в форме алгыса-просьбы вступивший на новую землю человек просит духа земли оберегать его.

Своеобразие художественной проекции, приписывающей женское начало образам земли, местностей и функционально переводящейся на образы городов, было упомянуто многими исследователями. В частности, об этом писала О. М. Фрейденберг: «Божество местности позднее становится божеством всякого поселения, в частности, с развитием производства, и божеством города; поэтому в древних языках, в том числе и еврейском и в греческом, город – женского рода...» [10, с. 495]. Амбивалентен характер женской сущности, приписываемый данным геоэпическим структурам, – если мифологический образ древней долины Туймаады предстает в виде прекрасной женщины как источника жизни, рожающей и одухотворяющей, то женская ипостась города Якутска, расположенного на этой долине, в большинстве случаев для сельского якута раскрывается с негативной стороны – поглощающей и развращающей.

Тема маленького человека становится еще острее в аспекте психологизации прозы, в которой большое значение уделяется городу, имеющему феминное начало. Амбивалентная природа Госпожи Города (у многих якутских писателей город имеет женское лицо – Куорат Хотун, Дьокуускай Эбэ Хотун), великодушной и капризной, открытой и неприступной, щедрой и жестокой, идентифицируется с изменчивой натурой женщины, отсылающей к образам хтонической темной матери или блудницы/любовницы. Восприятие города в качестве хтонического темного пространства, раскрывающего людские пороки, усматривается в повести «Николай Дорогунов – удалой молодец» П. А. Ойунского в дуальной сущности «перевернутого» образа красавицы Суосалдьйа Толбонноох-Мотрены, дочери главы Гостиного Двора, являющейся украшением («*душа Якутска, золотая птичка Гостиного Двора... дочь князя Морудьюос прекрасная Мотуруона*») [6, с. 65]) данного топоса и, может быть, даже его персонификацией, в отношении которой могут использоваться понятия красоты и безобразия, невинности и пошлости, чести и бесчестия, светлого и темного, правды и лжи и т.д.

Прорубь в выражении «*Госпожа Гостиная – невьсыхающая прорубь города Якутска*» [Там же, с. 80] в контексте повести имеет амбивалентное значение. В первом случае образ проруби может символизировать вечное изобилие, достаток (еды, денег) как топологическое пространство, связанное с торговлей, картежничеством, развлечениями и пр. Или же в аспекте темы женского тела, в перевернутом смысле образ может интерпретироваться в контексте мотива разврата и распутства (о красавице Суосалдьйа Мотрене, дочери главы Гостиного Двора), выражать символику пустоты (поглощающего отверстия, женского полового органа, хтонической дыры). Поглощение городом людей, утрачивающих в городе свою индивидуальность, моральные качества и превращающихся в безликую человеческую массу, становится одним из основных экзистенциальных проблем в произведениях первых писателей.

Фатальна человеческая судьба, которая определена на обреченность неуправляемой стихией большого города. Вначале рецептивная установка на город в рассказе «Городчик» А. И. Софронова-Алампа характеризуется в положительном свете («*Сколько здесь людей, и куда они все спешат, бегут, как же вольно и легко они живут*» [7, с. 49], «*одежда у горожан опрятная, чистая*» [Там же], «*Они как будто все специально рождены для города*» [Там же]). Новый для городчика топос, куда он, человек из другого мира, попал совершенно случайно, есть зеркальное по отношению к его сельскому миру, слепящее яркостью, красочностью пространство («*как будто даже солнце в этом городе ярче светит*» [Там же, с. 50]).

Степан, ведомый слабостями, привычками, страхами, есть типичный образ маленького человека, в пространстве жизни которого город предстает в качестве гигантского организма, живущего по своим законам.

Персонифицированная в образе Госпожи Города темная ипостась женской сущности наделена пороками и внутренними чудовищами. Она словно манит, восхищает, и в то же время совращает, отвергает маленького человека. Порождаемые ею пороки (блуд, азартные игры, алкоголь и т.д.) легко и безвозвратно меняют человеческую сущность. Так и Степан, будучи ослеплен блеском и соблазнами города, быстро теряет свое истинное Я. Он одержим пороком картежничества и проигрывает все свои деньги. Весь блеск города оборачивается для него темной оборотной стороной – наступает отрицание и неприятие пространства города. Ему кажется, что Госпожа Город взглянула на него недобрыми глазами («*Оокисэ, как же мне плохо, оттого что госпожа-город взглянула на меня недобрыми глазами, даже собаки на меня огрызаются*») [Там же, с. 53]). Кстати, картежничество как один из «городских» пороков описано А. Е. Кулаковским, П. А. Ойунским, Н. Е. Мординовым – Амма Аччыгыя, И. М. Гоголевым, В. С. Соловьевым – Болот Боотуром и др. и всегда олицетворяет в их произведениях импульсивное, хаотическое начало, имеющее темную власть над человеком. Здесь нужно заметить, что женское лицо имеет также и колода карт (хаарты маатыска – досл. Матушка Колода карт).

В образе Города в женской натуре отражаются все комплексы человека, детально описанные в психологии: подсознательное подчинение и страх «маленького» человека перед матерью, также его либидо, мечта о прекрасной женщине, благоговейное отношение к ней, манящей и отталкивающей, любящей и губящей одновременно – именно отражение этих непростых отношений человека и мира (в частности Города) становится художественной целью, заложившей основы философской прозы П. А. Ойунского, А. И. Софронова-Алампа.

В структуре пространства Якутска, отраженной в произведениях первых якутских писателей, особое значение придается субъектно-личностному субстрату: утверждению роли и места человека в городе,

определению его вида деятельности, социального статуса, самоидентификации и пр. У одного из первых основоположников А. Е. Кулаковского описание одежды как основной составляющей образа Я городского человека занимает главное место в материале произведений «Портреты якутских женщин», «Красивая девушка», «Городские девушки» и др. [4].

Описаниям городской моды, через которую наиболее ярко отображается образ городской молодежи начала столетия, также отведено особое место у П. А. Ойунского в вышеуказанной повести. Про верхнюю одежду богатых жительниц столицы говорится: «...дочери знатных якутских богачей в старинных меховых шубах, в высоких шапках из меха камчатской бобры, надев нагрудные серебряные украшения, верхом на лошадях ездят» [6, с. 59].

Городская мода олицетворяет внешний вид, Тело города. Одежда горожан, многослойная, пестрая и яркая, часто меняющая свой характер, и самое главное – представляющая специфический северный облик горожанина, укутанного в меха и кожу, – может рассматриваться в качестве текста, раскрывающего подтексты социального образа, уровня жизни, качества отношения к индивидуальному Я в якутском дискурсе.

Образ городского денди в качестве уникального урбанистического феномена есть отражение особого облика города. Городская одежда как символ избранности становится неотъемлемой частью художественного образа Николая Дорогунова. Недаром он, городской пижон и авантюрист, придает большое значение одежде как символу приобщения к высокому социальному статусу и способу вхождения в различные пространственные круги: «Значение модной, нарядной одежды состоит в том, чтобы открывать границы недосягаемых земель и чтобы тебя с восхищением воспринимали как знатного богача-тойона» [Там же, с. 58].

Способ наряжения в другую одежду (или ряжение как возможность стать другим) по-городски, метко подмеченный первыми писателями А. Е. Кулаковским, П. А. Ойунским, А. И. Софроновым-Алампа, Н. Д. Неустроевым, как один из красноречивых символов изменчивости образа тела в перевернутом мире представляет художественно-обоснованный способ прикрепленности сознания к урбанистическому миру. Человек, надевая одежду в качестве социальной маски, стремится «раствориться» в пространстве города – переодевшись, как большинство горожан, в городскую одежду и потеряв свою индивидуальность, он «сливается» с толпой и становится органической частью Тела города.

Таким образом, специфика «телесного» как основного понятия культурной антропологии в аспекте якутского «городского» текста аккумулирует в себе специфику ментального опыта, отражая способы художественной актуализации в современном мире. Амбивалентность пространства города, раскрывающая «перевернутые» роли человека, также женская ипостась Якутска, основывающиеся на фольклорно-мифологических представлениях о мире, утвержденные в творчестве первых якутских писателей, получают далее интересное воспроизведение в якутской литературе XX-XXI вв.

Список источников

1. Алексеев Н. А. Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008. 494 с.
2. Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир, 2001. 335 с.
3. Кон И. С. Мужское тело в истории культуры. М.: Слово/Slovo, 2003. 432 с.
4. Кулаковский А. Е. Песня якута. Стихи и поэмы. М.: Сов. Россия, 1977. 304 с.
5. Культуральная антропология: учеб. пособие / под ред. Ю. Н. Емельянова и Н. Г. Скворцова. СПб.: СПбГУ, 1996. 87 с.
6. Ойунский П. А. Избранное. Якутск: Бичик, 1993. 442 с.
7. Софронев А. И. Стихи и рассказы. Якутск: Як. кн. изд-во, 1987. 78 с.
8. Тимофеев-Теплоухов И. Г. Строптивый Кулун Куллустуур: олонхо. Якутск: Як. кн. изд-во, 1958. 256 с.
9. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009. 336 с.
10. Фрейденберг О. М. Въезд в Иерусалим на осле (из евангельской мифологии) // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. С. 491-531.
11. Якутские народные песни / АН СССР, Якут. фил. Сиб. отд-ния, Ин-т яз., лит. и истории. Якутск: Як. кн. изд-во, 1976. 229 с.
12. Якутский фольклор / сост. Д. К. Сивцев. Якутск: Як. кн. изд-во, 1970. 336 с.

BODY'S IMAGE: WOMAN-TOWN IN YAKUT WRITERS' WORKS OF THE EARLY XX CENTURY

Noeva Sargylana Eremeevna, Ph. D. in Philology
 Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
 Nosaer37@yandex.ru

For the first time the article attempts to consider the functioning of the body's image in the aspect of the Yakut "urban text", which accumulates the transformations of the national worldview, the characteristic features of mental experience. The main objects of the research are the specificity of the "physical" and the ratification of a woman's image, distinguished from this topic, as a personification of the town in the writers' works of the early XX century. Special attention is paid to the consideration of urban space ambivalence, in which a character's "inverted" roles and a man's dual nature, exposed mainly in the context of urban environment, are revealed.

Key words and phrases: urban text; geopoetics; anthropomorphism; urban landscape; body concept; woman's image; character's evolution.